

Негромкий, но настойчивый стук в окно словно подбросил Валентину на кровати. «Проспала!» Вскочила и заметалась как заполошная, на ходу закалывая шпильками волосы. Распахнула окно.

Так и есть. На Валентину укоризненно смотрел колхозный бригадир Василий. По его кислому виду и мутным глазам Валентина поняла, что вчерашний вечер он провел нехило.

— Может, рассольчику, Вася? — спросила участливо, с усмешкой в серых, еще переполненных сонной негой глазах.

— Или покрепче чего? — уже откровенно хохотнула, обозначив ямочки на щеках, потешаясь над перекошенным, будто от зубной боли, лицом Василия.

— Все бы тебе зубоскалить. Чего дрыхнешь-то, ечмит твою двадцать пять? Сереге вон своему рассол приготовь, опять вчера в коровнике назюзился, чуть в кормушку не свалился.

— Ладно, давай наряд да крути педали, разговорился что-то тут чересчур, — игривое настроение Валентины как ветром сдуло.

— Ну, не заводись, не заводись, — миролюбиво пробурчал Василий. — Раскроете сегодня бурты с семенной картошкой на дальнем поле. Я вам вилы туда загодя отвез. Возле крайнего бурта найдете. Ты уж девкам-то сама скажи, ладно? — Переминаясь смущенно с ноги на ногу, просительно заглянул в глаза.

— Да ладно уж, чего там, скажу, авось не впервой. И не смотри, как побитый щенок. — И резко захлопнула окно перед носом бригадира, который хотел было еще сказать что-то, но потом махнул обреченно рукой, неуклюже взгромоздился на велосипед и поехал дальше вдоль села раздавать наряды на работу.

Валентина присела на табурет возле стола, глянула на часы. Время еще есть. «И кто его за язык-то тянул, с самого утра испортил настроение!» — досадливо поморщилась она, вспомнив о том, что Василий намекнул ей на пьянство мужа. Дескать, сначала в своем огороде разберитесь, а потом уж и в чужие камни кидайте. Да что там, прав колхозный бригадир: сам-то он разве что раз в год может, что называется, гульнуть от души, а Серега редкий день не прикладывается к сорокоградусной.

Валентина быстро оделась, прихватила «тормозок» с нехитрой едой, мельком глянула на себя в зеркало. «Сорок пять — баба ягодка опять... Ага, ягодка, урюк пересушенный...» — невесело усмехнулась она, заметив у себя новые морщинки вокруг глаз и в уголках рта.

Откинула занавеску, за которой спал, раскинув руки и высунув из-под одеяла заскорузлые, немые ноги, Серега. «Ну, гад, будешь ты у меня сегодня свое по-

стельное белье стирать! Я тебя научу и на ночь ноги мыть, и пожрешь ты у меня еще дармовой самогоночки!» Бессилие перед пьянством мужа и обида за свою несладкую бабью долю закипели в глазах Валентины слезами, которые она тут же решительно смахнула и шагнула за порог.

Во дворе под навесом, нетерпеливо перебирая ногами, стоял Сиротка, статный красавец-конь гнедой масти, в белых «носочках», и косился на Валентину темными, влажными глазами. Он потянулся к ней теплыми, мягкими губами в ожидании привычного кусочка сахара и призывно заржал.

— Да отстань ты, все мои беды из-за тебя. Опять с Серегой огород кому-то распахивали?

Конь настойчиво тыкался мордой в руки хозяйки, и она не выдержала, достала из кармана корочку хлеба и кусочек сахара и отдала попрошайке его лакомство.

Сиротка появился в доме Сергея и Валентины несколько лет назад. Серега принес завернутого в фуфайку изможденного жеребенка и, просительно глядя в глаза жены, сказал:

— Вот, Валюш, цыгане отдали, сиротка он, погибнет ведь животинка, пусть у нас живет.

Жалостливое сердце Валентины дрогнуло, и лишь вечером, когда из стада не вернулись домой две овцы, она поняла, что проезжавшие через село цыгане «отдали» Сереге заморыша не совсем бескорыстно.

Несколько дней опальный супруг, боясь праведного гнева Валентины, ночевал на сеновале, но жизнь брала свое, Серега в конце концов был прощен, а жеребенок, которого они назвали Сироткой, «усыновлен». Валентина выпаивала его из соски коровьим молоком и держала в хлеву вместе с теленком. Затем подросшему питомцу Серега любовно смастерил навес во дворе. Он выписывал для него на колхозном складе овес, запасал на зиму сено, окашивая неудобья, и на корову, и на коня, ни в коей мере никого из них не ущемляя. В результате Сиротка рос в холе и неге и превратился в красавца, которого обвиняла сегодня Валентина в своих бедах.

И не напрасно. Сиротка не даром ел свой хлеб. Односельчане частенько обращались к Сереге за помощью: кому дров из леса привезти, кому — сена с лугов, кто-то просил огород распахать. Никому Серега не отказывал, запрягал своего любимца и «шел на калым». Только расплачивались соседи со своим односельчанином за его доброту частенько «жидкой валютой», благо, в каждом доме этого добра было хоть залейся. А плоды безотказности своего дражайшего муженька пожинала Валентина.

Конь мягко тронул Валентину за плечо, как бы благодаря за оказанное внимание. Женщина очнулась от своих невеселых мыслей и вышла за ворота. Ей предстояло собрать полевую бригаду на работу. В бригаде было восемь деревенских баб, или «девок», как их называл бригадир, за что сам он получил от скорых на язык односельчан прозвище «восемь девок, один я».

Галя, тридцатилетняя соседка Валентины, сама, не дожидаясь ее стука, распахнула окошко.

— Что-то Мишаня сегодня плохо спал, боюсь, не приболел ли. Вы пока идите без меня, я вас догоню. Не хочу его одного оставлять. Сейчас мать корову подоит, я и уйду.

Валентина улыбнулась. Мишаня, сын Галины, которому было чуть больше года, как две капли воды был похож на младшего брата Валентины Михаила. Два года назад, после развода со своей женой, поводом к чему послужило ее упорное нежелание иметь детей и разгульный образ жизни, Михаил приезжал в родное село к сестре.

Три недели его отпуска не прошли бесследно. Первая любовь Михаила, недавно вернувшаяся в село также после неудачного замужества, их соседка Галина, в

положенный срок родила мальчонку. Малыш рос крепеньким, улыбочивым и ни у кого из жителей села не вызывало сомнений отцовство младшего брата Валентины, так как он был, как говорят, «весь в папу».

Но Михаил о рождении сына не знал: Галина и сама не сообщила ему об этом и Валентине запретила. «Коли любит меня Михаил — пусть ему двойная радость будет. А если он со мной был от обиды на жену — насильно к себе привязывать не буду. Найдет лучше меня — пусть женится, я и одна Мишутку на ноги подниму», — так, к удивлению Валентины, рассудила Галя.

Что и говорить, нравилась Валентине веселая соседка, у которой на любое событие находилась присказка или частушка. И по-женски понимала и принимала она такое решение своей молодой подруги. Брат скоро снова должен был приехать в село, и Валентина искренне надеялась, что все у этой пары сладится.

Тем временем бригада почти в полном составе уже поджидала Валентину на дороге. Она поравнялась с женщинами, передала наряд бригадира и спросила:

— Как Зинаида-то себя чувствует? Заходить ли за ней?

И бабы наперебой принялись обсуждать ситуацию и давать противоречивые советы: «Зайди, Валентина, горе-то легче на людях переносить, может, хоть на работе забудется она...» «Нет, не надо за ней заходить. Ей сейчас ни на кого, поди, и смотреть-то не хочется. Как отойдет маленько Зинаида, сама выйдет на работу, не надо ее пока тревожить».

Месяц назад у Зинаиды погиб единственный сын, которого растила она одна, без отца. Красавец и крепыш Зинаидин Алешка, армейская служба которого проходила в горячих точках, где досыта хлебнул он лиха, вернулся домой без единой царапины, а погиб под колесами машины севшего за руль пьяного подонка.

За месяц, прошедший после гибели сына, всегда улыбочивая Зинаида словно почернела, в уголках губ залегли скорбные складки, в глазах поселилось неисцелимое горе. Всяк, кто встречался с ней взглядом, старался побыстрее отвести глаза, словно чувствуя свою вину в свалившемся на эту маленькую хрупкую женщину несчастье — столько боли носила в себе Зинаида.

Недалеко от дома Зинаиды бригаду догнала Галина. Издалека послышался ее звонкий голос. «На дубу сидит ворона и кричит: «Карá, карá». Почему любовь не печат никакие доктора?» — спела она частушку и тут же засмеялась легко, словно колокольчик прозвенел. «Скоро заявится твой доктор собственной персоной, — усмехнулась про себя Валентина, — сказать ли ей эту новость, или сама уже знает?»

Поравнявшись с женщинами, Галина, невысокая, крепко сложенная и статная, про каких говорят «кровь с молоком», протянула нараспев: «Здравствуйте, бабоньки! Чего смурные-то такие?»

Ее голубые глаза лучились теплом и радостью, из-под легкой сиреневой косынки выбивались непослушные светлые пряди густых вьющихся волос. Валентина кивнула в сторону ворот Зинаиды: «Да вот, думаем...»

И не договорила. Ворота со скрипом открылись, из них молча, потупив взор, вышла Зинаида, так же молча присоединилась к бригаде и зашагала вместе со всеми в сторону дальнего поля, на котором виднелись бурты с семенной картошкой.

Валентина немного приотстала от подруг и погрузилась в раздумья. Жизнь в деревне накладывает особый отпечаток на облик и судьбы женщин. Им некуда надевать модные наряды, они не ходят в театры и рестораны, крепкий летний загар на их нагруженных руках и обветренных лицах не успевает сходить и за зиму.

Деревенские женщины чем-то неуловимо отличаются от городских. Не простотой своих нарядов, нет, а удивительной бесхитростностью и широтой души, нетребовательностью к быту, преданностью тем, кого любят, довольствуясь малой долей внимания с их стороны.

Выйдет девушка замуж — и вся деревня ждет, считая на пальцах и обсуждая по завалинкам, когда появится у нее ребенок. Досужие кумушки, глядя на живот будущей мамы и вспоминая свой собственный опыт, гадают, кто должен появиться на свет — мальчик или девочка.

Деревенские бабы любили, конечно, «перемыть косточки» соседям, но чаще всего разговоры во время «посиделок» после нелегкого трудового дня велись о проблемах с детьми и семейных неурядицах. Впрочем, делясь порой самым сокровенным, все же наизнанку не выворачивались и в душу другу другу ради бабьего любопытства не лезли. И соперничали искренне, от души, а если требовалась помощь, делились последним.

Поэтому неловкое молчание, с которым бригада продолжала свой дальнейший путь к месту работы, объяснялось тем, что каждая из женщин примеряла сейчас ситуацию Зинаиды на себя и не находила слов утешения, слов поддержки для своей подруги.

— Господи, благодать-то какая! — голос Лиды, милостивой женщины, выглядевшей моложе своих сорока лет, несмотря на обилие многочисленных забот и хлопот с пятью дочерьми и большим домашним хозяйством, показался неестественно громким после затянувшегося молчания

Бригада пришла к месту работы, и женщины начали с шутками и прибаутками складывать принесенные с собой продукты под небольшой стожок соломы и разбирать вилы. При виде разбегающихся из-под стожка потревоженных мышей бабы подняли возбужденный смех и визг.

Весна в этом году выдалась на редкость ранняя, теплая. Солнце припекало так жарко, что вскоре под стожком рядом с узелками с едой оказались куртки и фуфайки работниц. И тут все обратили внимание на подозрительно округлившийся за зиму живот Лиды.

— Ай да Лидка! — Валентина радостно всплеснула руками. — Никак опять на живые ножки* потянуло! Ой, бабоньки, что творится! Гляньте-ка, Лида наша не на шутку взялась одна решать демографический вопрос за всю нашу Гуреевку!

Женщины оживились. На смутившуюся Лидию со всех сторон посыпались шутки и насмешки повеселевших баб.

— А чем же им еще с Гришкой и заниматься зимой? Тракторист-то он у нас знатный, а зимой где же ему пахать, если не на кровати!

— А я все как ни иду мимо их дома, бабоньки, а света в окошках нет и нет. А они вон чем занимаются, демографию повышают!

Казалось, потоку таких «подначек» от женщин, обрадованных возможностью позубоскалить, не будет конца.

— Да ладно вам, бабы, — Лида счастливо улыбалась, поглаживая свой живот, ставший предметом внимания подруг, — может, мальчик будет, сыночек.

— Сыночек... — голос Зинаиды, которая стояла чуть в стороне, облокотившись на вилы и с тоской глядя в сторону березовой посадки, за которой виднелось сельское кладбище, был еле слышен, как шелест сухого листа, но все вмиг замолчали и посмотрели в ее сторону.

— Сыночек, кровинушка... Лида, если сын будет, назови его Алешенькой. Алешенькой, как сыночка моего звали.

В глазах Зинаиды засверкали слезы, но, видно, столько их было выплакано этой несчастной женщиной за месяц, прошедший после смерти сына, что они все закипали, закипали в глазах и никак не могли скатиться на бледные щеки, дрожащие губы, обострившийся подбородок сломленной горем матери. Лидия,

* Местный диалект. Так говорят о беременных женщинах. — Прим. автора.

спохватившись, подошла к Зинаиде и обняла ее за дрожащие плечи, прижала к себе, легонько поглаживая по голове.

— Конечно, конечно, милая. Если сыночек будет, я его Алешенькой назову, а ты будешь его крестной матерью, хорошо?

Зинаида согласно кивнула головой и молча пошла к бурту. Бабы, растроганные этой сценой, вздыхая и вытирая невольные слезы, тоже подались следом.

— На-ка вот тебе вилы полегче, — Валентина заменила тяжелые, на ее взгляд, вилы Лидии на более легкие, — успеешь еще, намахаться, ты нам здоровенького мальчика сначала роди.

— Родит, родит, куда она денется, — снова оживились бабы, — Гришка свой супружеский долг исправно исполняет. Если девчонка будет, он, глядишь, на седьмого замахнется. А вот твой-то Серега, Валентина, чего-то, видать, не исполнил. Глянь, на Сиротке сюда несется, только пыль столбом.

Валентина, поднеся к глазам козырьком ладонь, посмотрела на дорогу. Действительно, ее Серега в раздувающейся пузырьем рубахе, нелепо размахивая руками и что-то крича, мчался верхом на своем любимце в сторону буртов. Бабы сбились в кучу и делились вмиг охватившей всех тревогой. «Ай, Серега, лиходей, загнал совсем жеребца-то. Случилось, что ли, чего?» — «Да налакался, поди, с утра пораньше, вот и втемяшилось чего-нибудь в голову сдуру-то...» — «Нет, девки, ни с какого перепою не стал бы Серега Сиротку-то так гнать, он ведь пылинки с него сдувает. Ой, чует мое сердце, не с добра он так несется».

И вот уже непутевый супруг Валентины подскакал так близко, что стало слышно хриплое дыхание коня и несвязные вопли Сереги. Валентина, охваченная смутным предчувствием беды, кинулась к мужу.

Серега в мокрой, прилипшей к спине рубахе, смахивая рукавом со лба крупный пот и сипло дыша вчерашним перегаром, выдохнул:

— Телеграмма нам, Валя. Погребальная. — Он протянул жене грязную, замуколенную и пропитанную потом голубую бумажку, на которой уже трудно было что-то разобрать. — Погребальная, — еще раз трагическим голосом произнес Серега и по-щенячьи тонко завыл, размазывая грязным кулаком по щекам слезы и часто шмыгая носом.

Валентина машинально взяла из рук Сереги телеграмму и прижала к груди.

— Погребальная... — как в бреду прошептала она, не осмыслив еще до конца суть этого слова. — Кто? Кто умер-то, Сережа? Тетка Степанида? Или дед Андрей? Нет? А кто же? Ну, что молчишь-то, говори, не томи!

— Мишка, брат твой.

Как подкошенная рухнула Валентина на колени.

— Мишенька, братик мой маленький, да как же это так? — Валентина скользила невидящими глазами по застывшим лицам подруг и все повторяла непослушными бледными губами: — Да как же это так, Мишенька?

— Мишка... Болел, что ли, или случай какой несчастный... Ох ты, Господи, каково теперь Валюхе-то... — перешептывались бабы, облокотившись на вилы и не зная как себя вести.

— Мишаня, сыночек мой, так и не увидишь ты своего папаньку! — звонкий голос Галины взвился, казалось, до самых небес.

Отчаянно сорвав с головы легкую косынку, отчего пышные русые волосы тяжелой волной скользнули по округлым плечам, она кинулась к Валентине, и они, обнявшись, вместе зарыдали, завопили так, как только деревенские бабы умеют голосить по покойникам, словно разговаривая с ним и вопрошая: «Да на кого ж ты нас покинул, соколик ты наш ясный? Братик ты мой, Мишенька... Сыночек, Мишаня...» Бабы, сгрудившись, молча вытирали глаза кончиками головных платков или подолами фартуков.

— Сыночек мой, Алешенька... — вдруг простонала Зинаида и, отбросив в сторону вилы, поспешила, все убыстряя шаг, в сторону кладбища, пока наконец не перешла на бег.

— Бабы, — первой спохватилась Лидия, — бегите кто-нибудь за ней, не сотворила бы чего над собой Зинаида-то, ведь целый месяц не в себе, шуточное ли дело. Ох ты, Господи...

Две женщины кинулись вслед за Зинаидой, а Лидия засуетилась, забегала вокруг Валентины и Гали, не зная, что сказать и чем утешить. В конце концов она залилась горячими слезами вместе с ними, сев на теплую землю рядом с Валентиной и придерживая руками, словно старясь оградить от беды, свой живот, где ждал своего часа ее еще неродившийся ребенок.

Вокруг Сереги также крутились две женщины, пытаясь выяснить хоть какие-то подробности смерти Михаила, но не могли получить на свои расспросы ни одного мало-мальски вразумительного ответа. Он только махал отрешенно рукой и подвывал протяжно: «И-э-эх-хх! Мишка ты, Мишка!», и сердобольные бабы присоединились к плачущим женщинам.

Бригадир Василий, решивший в середине дня проверить, как идут дела у полеводческой бригады на буртах, еще издали услышал бабий вой и не на шутку перепугался. «Господи, на все твоя воля, что там случилось-то? А этот конкурент что там делает?» Конкурентом Василий в шутку называл Сиротку, который из-за безотказности Сереги и дешевизны услуг пользовался большей популярностью среди деревенских жителей, нежели колхозная Савраска, помощь которой по хозяйству обходилась выплатой приличной суммы в колхозную кассу.

Подъехав поближе, Василий услышал, что бабам хрипло подвывают Серега. «Уж не с Валентиной ли чего?» — захолонуло сердце бригадира, и он изо всех сил закрутил педалями велосипеда. Неожиданно брючина наматалась на цепь, руль вильнул в сторону, и Василий, вылетев из седла, со всего маху шмякнулся на землю. Оказавшись под велосипедом и чувствуя резкую боль в ноге, Василий попытался высвободить брючину из цепи. Но руки от нетерпения дрожали и не слушались и, напрасно промаявшись некоторое время с этим делом, он понял бесполезность своего занятия, резко дернул штанину, оставив половину ее в цепи и, прихрамывая, побежал дальше. Потом отбросил в сторону мешавший бежать велосипед и вскоре созерцал странную, на его взгляд, картину. Пять баб выли в голос, обняв друг друга и раскачиваясь, а чуть в стороне, дергая острыми плечами, заливался слезами Серега.

Самым безучастным ко всему происходящему был Сиротка. Он мирно хрумкал семенную картошку из бурта, время от времени отгоняя хвостом от своего крупя надоедливых мух. Никто и не обратил внимания на бригадира.

— Ечмит твою двадцать пять, да что случилось-то? Что вы все воете-то, скажет мне кто-нибудь или нет?

Тяжело поднявшись с земли, к Василию подошла Лидия.

— Телеграмму Серега Валентине привез, — пояснила она, — погребальную.

— Какую еще погребальную?

— Ну, похоронную.

— Так и сказала бы: «похоронную», а то придумала черт-те что ...

— Фу, да это Серега так сказал: «погребальная», и мы все за ним...

— А кто умер-то у них, может, помощь какая нужна?

— Ой, и сказать страшно: Мишка помер. Молодой-то какой, — Лидия снова захлопала носом, а Василий сокрушенно покачал головой. Нервно закурил, но тут же смял папиросу и отшвырнул в сторону.

— Слушай, а где хоронить-то будут? Может, сюда привезут, ведь у них все родные могилки тут. Конечно, здесь надо бы. Я у председателя машину попрошу, съездим и в родимой земельке похороним Михаила.

— Не знаю, может, там все без нас уже решено, где, когда и как.

— И то правда. А где телеграмма-то? В ней теперь все, поди, прописано.

Лидия огляделась.

— Да вон она. Отойди, окаянный, — прикрикнула она на Сиротку, увидев, что тот, увлекшись поеданием картошки, уже подбирается к синенькой бумажке, которую выпустила из рук Валентина.

Василий отодвинул рукой морду коня и поднял с земли телеграмму. Развернул, аккуратно разгладил на коленке и стал читать. Постепенно глаза его округлились, а лицо как-то странно вытянулось. Он начал похлопывать ладонью по телеграмме и нервно похохатывать.

Ничего не понимающая Лидия, на всякий случай перекрестившись — уж не с ума ли сходит бригадир, грех-то какой чужому горю радоваться, — осторожно подошла и заглянула через плечо. Буквы расплылись и кое-где вообще вытерлись, но все же ей удалось где прочитать, а где домыслить текст телеграммы: «Приеду ночным поездом воскресенье, встречайте Сиротке райцентре. Михаил».

— Ах ты ж, морда пьяная! — накинулась она с тумаками на Сергея, который, неуклюже вытянув руки, пытался увернуться от неожиданно посыпавшихся на него ударов.

— Это ж надо до такого додуматься, мы тут живого человека оплакиваем, а он еще тут сопли распустил, образина ты поганая!

Бабы, как одна, перестали вопить и опухшими от слез глазами смотрели на расправу над Серегой и слушали поток Лидиной ругани.

— Ой, что это, Вася? — Валентина, как-то разом сгорбившаяся и обмякшая от свалившегося на нее горя, показала рукой на Лидию с Серегой. — За что это она его?

— Да за надо, Валя, за надо. На вот, читай телеграмму-то.

Валентина взяла в руки телеграмму, но слезы вновь хлынули из глаз, и она отдала ее обратно.

— Не могу я, Вася, не вижу ничего. Ой, Мишенька, братик, родненький ты мой... — снова забилась, зарыдала Валентина.

— Да погоди ты надгробные рыдания-то творить, жив твой Михаил, в отпуск он приедет в воскресенье.

— Как — жив? Как — в отпуск? А телеграмма-то... погребальная...

— Погребальная... — Василий с досадой ткнул телеграмму под нос Сереге. — С чего ты это взял-то, голова твоя садовая, что телеграмма погребальная? Да ведь слово-то какое выдумал — погребальная, в русском языке такого днем с огнем не сыщешь, а он откопал где-то!

— И ничего я не выдумал, там так написано! — Серега ткнул пальцем в телеграмму. — Вот, сам смотри, так и написано: погребальная.

Василий посмотрел, куда показывает пальцем взъерошенный и полный решимости доказать свою правоту Серега, и покрутил пальцем у виска.

— У тебя в голове мозги или опилки? Погребальная — это фамилия телефонистки, отправившей эту телеграмму. А ты саму телеграмму-то прочитал?

— Прочитал. Первое и последнее слово. Погребальная и Михаил. Больше ничего не разобрал, — он поднял виноватые глаза на Валентину, — голова у меня болела после вчерашнего, Валюша.

— Ах, голова у него болела!

Поняв, наконец, в чем дело, Валентина грозно двинулась на своего супруга, который поспешил ретироваться за надежный круп Сиротки.

— Сейчас она у тебя после сегодняшнего будет болеть, а не после вчерашнего!

Подошедшие с кладбища Зинаида и ведущие ее под руки две женщины с удивлением наблюдали, как Валентина бежит по полю за резво убегающим Серегой, а остальная компания давится смехом. Не ожидавшие такой перемены настроения и ничего не понимающие женщины нерешительно подошли ближе, но никто из участников этого странного зрелища ничего не смог им объяснить.

Наконец все отсмеялись и отдышались. Серега благообразно отбежал и спрятался за самым дальним буртом и, как нашкодивший пацан, выглядывал оттуда, выжидая, когда его супруга отойдет от неожиданно свалившегося на нее стресса.

— Бабоньки, радость-то какая, — Валентина, заметив недоумение на лицах пришедших с кладбища подруг, поспешила объяснить возникшую ситуацию, — жив ведь Мишка-то, жив братик мой ненаглядный! Ирод этот с телеграммой все напутал, — и погрозила кулаком в сторону дальнего бурта.

Неосторожно показавшаяся из-за бурта лохматая Серегина голова вмиг скрылась, вызвав взрыв смеха. Даже Зинаида улыбнулась уголком рта.

— Бабы, дайте хоть кваску глотнуть, во рту пересохло. — Василий коснулся рукой горла. — Это ж надо столько пережить: и драма, и комедия сразу, хоть кино снимай.

Тут бабы, все как одна, воззрились на Василия и дружно захохотали. Видок у бригадира был тот еще. Под глазом у него багровел огромный синяк, полученный, очевидно, во время падения с велосипеда. Правый рукав пиджака болтался на нескольких ниточках, а левая штанина до колена и вовсе отсутствовала, причем вместе с сапогом. Из порванного носка сиротливо выглядывал посиневший от холода мизинец, но Василий не замечал ни холода, ни комичности своего вида. Нервный, почти гомерический после пережитого потрясения, смех баб спугнул Сиротку, и он, недовольно прядая ушами, потрусил к Сереге.

А женщины начали потешаться над Василием.

— Ой, Василий, да у тебя никак костюмчик новый, фильдеперсовый, где это ты такой отхватил?

— Почем матерьяльчик, Вась, не разорился?

А Галина тут же подпела: «Хорошо тому живется, у кого одна нога: и штанина не порвется, и не надо сапога». Валентина движением руки остановила развеселившихся женщин.

— Да хватит вам уже, разошлись, удержу на вас нет.

— С велосипеда я упал, — пояснил Василий успокоившимся наконец бабам, — я как вой-то ваш услышал, у меня аж сердце к горлу с перепугу подкатило. Да даст мне кто-нибудь хоть воды глоток?

— А может, молочка? Накось вот. И квасок вот, ядрененький, — женщины засуетились вокруг бригадира.

— Давайте-ка, накрывайте «поляну», — распорядилась Валентина, — все равно время уже обеденное. Перекусим, а потом уж и за дела примемся.

Василий сходил за своим сапогом, пригнал велосипед. Все уселись за трапезу. Вдруг откуда ни возьмись появился Серега верхом на Сиротке. Никто не видел, когда ему удалось потихоньку улизнуть, но сейчас он привез две бутылки водки, поставил их на импровизированный стол и, усевшись на всякий случай подальше от метнувшей на него злобный взгляд Валентины, произнес:

— Давайте, бабы, выпьем за здоровье Михаила.

— А вот это ты зря мне напомнил, супруг дорогой...

Валентина стала грозно приподниматься, а Серега, по инерции закрываясь руками, зачистил:

— И мировую, Валюша, мировую. Уж прости ты меня, окаянного, бес попутал, говорю же, голова болела. А я вот в воскресенье Сиротку запрягу, Мишку в райцентре встречу... Радость-то какая, Валюш, давай за это выпьем, ну давайте, бабы, давайте...

— Ладно, живи пока, вечером разберусь с тобой, — Валентина под смешки подруг снова села на свое место, — а что, бабоньки, давайте-ка и вправду выпьем! Есть у кого-нибудь стакан или кружка?

— Да я и стаканчики прихватил, — засуетился услужливо Серега, доставая из черной кирзовой сумки стограммовые граненые стаканчики.

— Ишь ты, предусмотрительный какой!

Женщины разобрали стаканчики, выпили и вскоре затараторили, затрещали на все лады, как сороки, а потом и запели. Русские народные песни, то протяжные и грустные, то веселые и задорные, сменяли одна другую.

Они не заметили, как Зинаида, тихонько сидевшая в сторонке, молча поднялась и направилась в сторону деревни.

— Ой, бабы, а Зинаида-то ушла, — первым опомнился Василий.

Маленькая, сгорбленная фигурка Зинаиды, уже подходившей к крайним домам, издали была похожа на ковыляющую по дороге подбитую черную птицу.

— Ах ты, Господи, жизнь-то какая штука сложная. Давайте, девки, за упокой души сына ее, Алексея, выпьем, — предложил Василий, — да давайте уж домой собирайтесь, какая от вас сегодня работа. Завтра с силосной ямы бригаду сниму на подмогу вам, они сегодня свои дела закончили.

Женщины молча разлили и допили остатки спиртного, закусили нехитрыми своими деревенскими припасами и отправились в деревню.

— А день-то сегодня теплый какой, а воздух! Дышать, не надышаться! А земля-то как пахнет, чуete, бабоньки? А душа-то так и поет!

Галина догнала Валентину и, подхватив ее под руку, запела своим чистым высоким голосом: «Миленький ты мой, возьми меня с собой...» «Там, в краю далеком, буду тебе женой», — дружно подхватила бригада. А потом пели еще и еще, словно отпустив обмягшие души на волю.

Деревенские кумушки, собравшись на одной из завалинок на вечерние посиделки, услышав пение женщин и снедаемые любопытством, спрашивали друг у друга: «Чего это бабы-то наши распелись, или праздник нынче какой?» «Не знаю, праздник или нет, — ответила на все вопросы сразу деревенская почтальонка, — телеграмму я сегодня утром Валентине с Серегой принесла. Михаил в отпуск приезжает. Вот и радуются теперь. Ишь, Валентина-то с Галиной звонче всех заливаются. Вот и получается, что праздник у них».

